

Лекция на трубе

Московские концерты джаз-оркестра
Уинтона Марсалиса

Петр ПОСПЕЛОВ

Невозможно было бы подобрать к 100-летию со дня рождения Дюка Эллингтона и к Дню независимости США лучшего поздравителя, чем джаз-оркестр нью-йоркского Линкольн-центра под управлением Уинтона Марсалиса. 38-летний черный трубач — лицо джаза как официальной доктрины американской культуры и трепетный ревнитель его великой истории. На фоне седых новаторов послевоенного джаза Марсалис кажется мальчишкой — но уже близок к тому, чтобы символизировать американский джаз, как Пьер Булез символизирует европейский музыкальный авангард, а Евгений Светланов — русскую музыкальную классику.

В Москву (а несколькими днями ранее — в Петербург) Марсалис со своим оркестром попал в ходе мирового турне, посвященного 100-летию юбилею Эллингтона. Основным событием московского визита был концерт в Кремлевском дворце, где джаз-оркестр Линкольн-центра, весь в белом, восседал посреди черноты фанфарного Российского национального оркестра. Испытанный в международных проектах Дмитрий Лисс уверенно продирижировал программой с участием обоих оркестров, которую никак нельзя было счесть обычной для нашей сцены.

Темой концерта было, естественно, наследие Эллингтона — не столько импровизатора и креативного лидера биг-бэнда, сколько композитора, создавшего в области джаза некую аналогию музыкальному модернизму середины века. В первом отделении звучала классика, смещенная в область джаза, — сюита «Пер Гюнт» Грига, каждый номер которой исполнялся сначала симфоническим оркестром в оригинале, а затем джаз-оркестром в аранжировке Эллингтона и Стрейхорна. Академично звучали оба варианта, и в этом можно было усмотреть осознанный стиль самого Уинтона Марсалиса, утверждающего в джазе — как в качестве музыканта, так и в должности директора джазовых программ Линкольн-центра — ценности историзма и сохранения традиций.

Во второй части концерта, напротив, танцевальные композиции Эллингтона звучали в симфонических аранжировках самого Марсалиса — здесь уже оба оркестра играли вместе, и хотя верховодил джазовый состав, классическим музыкантам тоже выпал шанс поиграть со свингом. Всю дорогу, пока длился этот обмен любезностями между симфоническим и джазовым миром, Марсалис едва ли не подчеркнуто держался на заднем плане, сидя в рядах оркестра (впрочем, экстрадлинная нота, протянутая им на трубе, не осталась незамеченной публикой). И лишь на бисах, когда было сыграно несколько непреложных джазовых стандартов, он появился на авансцене, чтобы наградить зал сольной импровизацией в «Настроении индиго». Мастерство настоящего виртуоза никогда не напрашивается на восторженный прием — едва ли не главной чертой стиля Марсалиса-трубача является умение избегать очевидных эффектов. Своими собственными записями (награжденными, конечно, всеми

Главное у трубача — губы
(Уинтон Марсалис в паузе)

возможными «Грэмми») Марсалис уже убедил нас в своих блестящих виртуозных возможностях — достаточно вспомнить пластинку барочных арий с оперной певицей Кэтлин Бэттл. На кремлевской же сцене он словно читал лекцию о том, как философичен, сдержан и мудр джаз, этот краеугольный камень музыкальной Америки. А драйв и безудержный артистизм (безусловно, присущие игре музыкантов его оркестра) — лишь некоторые из его граней.

Днем раньше и в том же духе оркестр Марсалиса сыграл чисто джазовую и тоже чисто эллингтоновскую программу на открытой эстраде в парке Кусково, где работающий в Москве американский люд предавался отдыху на траве и созерцанию спортивных состязаний, отмечая День независимости. Никаких поблажек публике сделано не было — лишь пара вещей относилась к шлягерам; в основном же шли части из менее известных сюит с их принципиально рваной изысканной фактурой. Музейное качество исполнения слегка оживлялось игрой высококлассных солистов, импровизирующих с поистине консерваторским лоском. Некоторый перелом наступил в конце, когда на сцене появился приглашенный Марсалисом гость: русский саксофонист Игорь Бутман, не имевший никаких предрассудков против прямой эмоциональности, моментально завел публику и легко потянул за собой марсалисовских джазовых служащих.

Продолжение этой линии последовало в одном из клубов, где тоже умудрился оказаться ваш корреспондент. Джем-сейшн, быстро пропекшийся до горячих ритмов джаз-рока, длился до поздней ночи — и тут уж музыканты Линкольн-центра не помнили себя и всей своей гастрольной усталости, правда, не забывали давать слово и московским коллегам. Заливаясь в экстазе импровизации (листовское соло пианиста Фарида Бэррона до сих пор у меня в ушах), они менялись ролями, инструментами и косяками вовлекали в танцы счастливых поклонниц (одну из них трубач Сенека Блек даже приспособил к делу, сыграв ее пальцами на своей трубе). Уинтон Марсалис в сейшне участия не принимал — впрочем, на следующий день, уже в другом клубе, он тоже выступил. От кого-то я слышал, что там атмосфера была чуть прохладнее.

Уинтон Марсалис — 8 июля 1999 г. — 86661-Кремль